

вращается въ нѣчто абсолютно *закрытое*, ибо человекъ въ мірѣ—паразитъ и случайность. Но отсюда уже даже не нужно дѣлать вывода, ибо самъ онъ просится, къ случайности всего мірозданія, измѣреннаго сознаниемъ „вши“, т. е. къ механистической, абсолютно бездушнѣй точкѣ зрѣнія.

Кампанелла самъ какъ бы пораженъ неожиданными результатами своего самочувствія и зоветъ къ возврату, къ реформѣ, къ вѣчному Разуму и Софіи. Но эти зовы его—бесильные зовы погибающаго, имѣющіе лишь симптоматическое, а не реальное значеніе, ибо самъ Кампанелла внутренне полонъ ядовъ, вызвавшихъ болѣзненное разстройство въ организмѣ европейскаго человечества. И т. к. католическая Церковь первая начала это дурное движеніе въ мірѣ, внутреннюю секуляризацию, т. е. омірщеніе и овнѣшеніе—въ институтъ абсолютизированнаго папства, то трагедія западнаго человечества остается безъ „хора“, поучающаго и очищающаго. Такимъ „хоромъ“, стоящимъ *надъ* трагедіей и благотивно-*выше* нея, можетъ быть лишь православіе, и пора сознать нашу обязанность, обязанность братской любви къ Западу—вмѣсто слабосильнаго пріятія въ себя болѣзней Запада, мужественно произнести вселенское слово православной истинны, отъ которой спасеніе всему міру, т. е. и Западу.

В. Эрнъ.

II.

Paolo Sarpi.—*Scritti filosofici inediti.* (Pensieri.—L'arte di ben pensare). Lanciano, 1910.

Этотъ томикъ представляетъ большой интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ дорисовываетъ замѣчательную личность венеціанскаго монаха Пасло Сарпи (1552—1623), отважившагося на блестящую церковно-юридическую защиту „яснѣйшей республики“ противъ абсолютистскихъ притязаній римскаго папоцезаризма. Во вторыхъ, онъ вноситъ нѣсколько новыхъ и весьма существенныхъ черточекъ въ наши представленія объ итальянской философіи эпохи Возрожденія.

До выхода въ свѣтъ этой книжки, въ которой опубликовано впервые небольшой трактатъ Сарпи объ „Искусствѣ

хорошо мыслить“ и затѣмъ— „Мысли“ философскаго характера, выбранныя Панини изъ рукописей Сарпи, хранящихся въ библиотекѣ св. Марка, а также изъ писемъ его и изъ другихъ напечатанныхъ работъ; Сарпи былъ извѣстенъ и даже больше чѣмъ извѣстенъ—*знаменитъ*, во первыхъ, какъ авторъ „Исторіи Тридентскаго собора“, написанной съ рѣдкой чистотою и изысканностью стиля (благодаря чему Сарпи занялъ почетное и всѣми признанное мѣсто въ исторіи итальянской литературы), во вторыхъ, какъ юрисконсультъ венеціанской республики, спасшій своимъ безстрашіемъ и находчивостью родной городъ отъ поглощенія тяжелою властью Рима и іезуитовъ, и, въ третьихъ, какъ замѣчательный естествоиспытатель и математикъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень характерны отзывы объ немъ Галилея, который былъ друженъ съ нимъ и велъ съ нимъ серьезную научную переписку. Въ одномъ мѣстѣ Галилей называетъ Сарпи „нашимъ благороднѣйшимъ отцомъ и учителемъ“, въ другомъ говорить, что „онъ безъ всякаго преувеличенія можетъ объявить, что никто въ Европѣ не превосходилъ Сарпи въ математическихъ познаніяхъ“¹⁾. Каверни, котораго никакъ нельзя заподозрить въ недостатокѣ энтузіазма передъ гениемъ Галилея, обоснованно утверждаетъ, что *Nuncius Sidereus* былъ издавъ не однимъ Галилеемъ, а *совмѣстно съ Сарпи*²⁾. Если принять это все во вниманіе, не покажется преувеличеніемъ заглавіе, данное Робертсономъ своей книгѣ о Сарпи: „*Fra Paolo Sarpi the greatest of Venetians*“ (London 1894). Выпущенный Панини томикъ открываетъ новую и раньше почти неизвѣстную сторону въ Сарпи—большой философскій умъ и глубокую потребность свести къ единой системѣ различныя стороны своихъ обширныхъ и часто имъ самимъ впервые завоеванныхъ, частныхъ познаній. Ко всѣмъ необыкновеннымъ дарованіямъ скромнаго монаха, заставлявшаго трепетать владычественный Римъ и соперничавшаго въ области естественныхъ наукъ съ самимъ Галилеемъ, приходится

1) *P. Picca Paolo Sarpi*. Roma 1911 p. 108—109. Также *Cassani Paolo Sarpi e le Scienze matematiche e naturali Venezia* 1882.

2) *R. Caverni Storia del metodo sperimentale in Italia Firenze* 1891. v. I p. 114. Въ этой документальнѣйшей „Исторіи“ Сарпи посвящены стр. 108—116.

прибавить еще одинъ даръ и твердую стоическую его настроенность поставить въ связь съ его общими философскими принципами.

Но еще важнѣе тѣ новыя черточки, которыя вносятся настоящимъ изданіемъ въ наши общія представленія о философіи эпохи Возрожденія. Въ своемъ краткомъ предисловіи Панини, обѣщая въ другомъ мѣстѣ „изслѣдовать философію Сарпи и показать ея отношенія къ предшествующей итальянской философіи и къ послѣдующей англійской“ (что будетъ весьма кстати, т. к. до сихъ поръ о философскихъ взглядахъ Сарпи не существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, ни одной статьи) не безъ торжественности „возвѣщаетъ изслѣдователямъ итальянскимъ и неитальянскимъ, что новый философъ родился для исторіи и что необходимо посчитаться и съ нимъ“. Если оцѣнивать Сарпи философа по результатамъ, достигнутымъ имъ, то нужно признать слова Панини нѣсколько преувеличенными, ибо „Мысли“ его фрагментарны, а трактатъ объ „Искусствѣ хорошо мыслить“, хотя и законченъ по формѣ, но по существу представляетъ лишь очень бѣглый набросъ философской системы. Если же обратить вниманіе на *мотивы* и *тенденціи* философіи Сарпи, то за набросками Сарпи нельзя не признать большой значительности, и историку европейской мысли дѣйствительно необходимо „посчитаться“ съ ними.

Если мы сравнимъ Сарпи со всѣми предшествующими ему мыслителями эпохи Возрожденія, мы увидимъ въ немъ одну безусловно новую черту. Въ то время какъ всѣ мыслители Возрожденія полны „становленія“, и въ нихъ происходитъ страстная и взволнованная борьба между началами средневѣковыми и началами „новыми“, такъ что всѣ они отмѣчены чертами глубочайшей двойственности и совмѣщаютъ самыя противоположныя тенденціи и стремленія—магію, демонизмъ, острое, почти хищное, изученіе „реалій“, мечтательность, бунтъ противъ Церкви и искреннюю религіозность—Сарпи необыкновенно спокоенъ, простъ, *одноставенъ*, лишень какой бы то ни было двойственности, чудесности и мистичности. Муки рожденія какъ бы кончились и то, что выносила въ своемъ чревѣ бурная эпоха Ренессанса—*новое* время—въ лицѣ Сарпи впервые появляется на свѣтъ. Средніе вѣка со всѣми своими мистическими реальностями,

просто не существуютъ для Сарпи. Онъ съ ними никакъ не связанъ и, если они наступаютъ на него подъ безобразной личиной папскихъ аппетитовъ на Венецію,—то это для Сарпи чисто *внѣшнее* положеніе, и онъ переводитъ борьбу на совершенно *свѣтскую* почву и, въ концѣ концовъ, всю аргументацію свою строить на глубоко-сознанномъ принципѣ отдѣленія Церкви отъ государства. Самъ же Сарпи, еслибъ даже захотѣлъ посмотрѣть на міръ мистическими глазами средне-вѣковаго христіанства,—то не смогъ бы, ибо эти способности въ немъ совершенно мертвы и ни въ какой степени его не беспокоятъ. Беконъ называетъ Телезію—*novum hominum genus*, но это въ значительной мѣрѣ не точно, ибо въ Телезіи мы имѣемъ не „новаго человѣка“ въ настоящемъ смыслѣ слова, а лишь рудименты его, начатки, что съ равнымъ основаніемъ можетъ быть отнесено ко всѣмъ творческимъ представителямъ философской мысли Возрожденія, и тогда Телезіи никакъ не окажется первымъ. Съ гораздо большимъ правомъ „первымъ изъ новыхъ“ можно назвать Сарпи, ибо въ немъ дѣйствительно „дано“ то, что было „заданнымъ“ для Возрожденія и осуществлено то, къ чему Возрожденіе лишь стремилось. Секуляризація (т. е. универсальное освобожденіе отъ мистическаго начала Средне-вѣковья),—провозглашаемая всѣми мыслителями Возрожденія, ни въ комъ изъ нихъ не была совершившимся фактомъ, ибо этотъ новый принципъ въ нихъ длительно и мучительно рождался; въ Сарпи же секуляризація—совершившійся фактъ, онъ уже не борется за него, а просто на немъ основывается и спокойно дѣлаетъ изъ него самые разнообразныя выводы. Если жизнь Сарпи полна борьбы, то борьба эта обращена во-внѣ, въ самомъ же Сарпи самочувствіе новаго человѣка достигаетъ явственной зрѣлости и психологической устойчивости. Это самочувствіе находитъ гениальное выраженіе въ безпримѣрной научной дѣятельности Галилея, но Сарпи на 12 лѣтъ старше Галилея и его первенство въ данномъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію, т. к. не даромъ же Галилей называлъ его своимъ „отцомъ и учителемъ“.

Главная черта философскихъ размышленій Сарпи—абсолютный эмпиризмъ. Вотъ бы панегирики ему воспѣли Милль или Льюисъ, еслибъ напали на него въ свое время! *Instinctus metaphysicus* въ немъ совершенно отсутствуетъ, отсутствуетъ

даже въ большей степени, чѣмъ у Галилея. И это еще разъ подтверждаетъ, что Сарпи нужно считать первымъ философомъ новаго времени, а не философомъ Возрожденія. Какъ бы приспособляясь къ своему врагу—католической церкви—мыслители Возрожденія принуждены были оперяться и „разряжаться“ въ смѣлыя метафизическія построенія. Чтобы бить по противнику, уже секуляризовавшемуся въ языческое послѣ-авиньонское папство, но защищенному всею правдою христіанскихъ догматовъ, приходилось неизбѣжно строить системы очень „высокаго“ типа, какъ высокими должны были быть старинныя осадныя башни, изъ которыхъ дѣлали „высадки“ на осажденныя стѣны. Но когда эта *прагматическая* нужда въ метафизическомъ созиданіи проходитъ, ибо новое одерживаетъ рѣшительную побѣду и начинаетъ торжествовать по всѣмъ фронтамъ,—тогда всѣ метафизическія „оперенія“ философовъ Возрожденія попросту сдаются въ архивъ и переходятъ въ разрядъ „историческихъ“ цѣнностей. Моментъ полного равнодушія къ какимъ бы то ни было метафизическимъ опереніямъ, потерявшимъ свой практический *raison d'être* и реализуется въ Сарпи, а затѣмъ въ Галилея.

Философія нужна Сарпи лишь для того, чтобы упорядочить и „соотнести“ различныя области естественно-научнаго опыта. Она уже ничего не открываетъ и ничего не завоевываетъ. Ея назначеніе лишь заканчивать, или даже „оканчивать“ (*ultimare*) опытъ. Сарпи различаетъ *четыре* способа философствовать. „Первый—однимъ разумомъ, второй—однимъ чувственнымъ опытомъ, третій—сначала разумомъ и потомъ опытомъ, четвертый—начинать чувственнымъ опытомъ и кончать разумомъ. Худшій изъ нихъ первый способъ, ибо извѣстно, что то, чего мы хотимъ, не соотвѣтствуетъ тому, что есть. Сквернѣе и третій способъ, потому что часто мы подставляемъ то, что хотимъ на мѣсто того, что есть, вмѣсто того, чтобы поступать какъ разъ обратно; правиленъ, но грубъ второй способъ, ибо даетъ мало знаній и освѣдомляетъ насъ скорѣе о существованіи вещей, чѣмъ объ ихъ причинахъ. Лучшій способъ какой только мы можемъ имѣть въ этой несчастной жизни—это четвертый“. Итакъ, чувственный опытъ нужно „заканчивать“ разумомъ.

Два термина этого общаго положенія: *опытъ* и *разумъ*, а

также взаимоотношеніе ихъ опредѣляются у Сарпи съ большою точностью, хотя и кратко. Что касается разума, то у Сарпи уже отчетливо происходит отождествленіе его съ *ratio*, т. е. произвольное *ограниченіе* разума, лежащее въ основѣ европейской философіи. Разумъ для него абсолютно *дискурсивная* способность. „Разумъ всегда аргументативенъ, ничего не познаетъ простымъ взглядомъ (*con semplice sguardo*, т. е. интуитивно), наоборотъ всегда рассуждаетъ“. Если намъ иногда кажется, что это не такъ, то причина этой ошибки заключается въ томъ, что время нашего рассужденія, какъ очень малое, нами не воспринимается, особенно когда мы рассуждаемъ о предметахъ извѣстныхъ и безъ всякой трудности. Дискурсивность *необходимо* связана съ временемъ, ибо „рассужденіе есть нѣчто такое, что можетъ свершаться лишь во времени; поэтому, если кто-нибудь рассуждаетъ, не замѣчая времени, то форма его мысли должна ему показаться не-дискурсивной, ибо кажется ему не-временной. Чтобы сознать дискурсивность мысли, нужно было бы сознать сначала ея временность“. Временность же мысли ясна изъ того, что „рассуждать, это значитъ переходить отъ одного понятія къ другому, переходъ означаетъ движеніе, движеніе же свершается во времени“. Тутъ происходитъ то же, что и въ движеніи физическомъ. Двигаясь, мы совершенно не сознаемъ движенія нашихъ мускуловъ. Это основоположеніе объ абсолютной дискурсивности мысли очень значительно и необходимо опредѣляетъ въ чисто эмпиристическомъ духѣ все направленіе философіи Сарпи. Абсолютная дискурсивность разума означаетъ его чистую *формальность*. Переливая изъ одной формы въ другую различныя содержанія мысли, разумъ безсиленъ увеличить, уменьшить или творчески породить эти содержанія. Матерія мысли ему дана совершенно извнѣ—въ чувственномъ опытѣ (*sempre cose false riceve*). Здѣсь уже мы видимъ „антиципацію“ Локка. Принципъ Сарпи несомнѣнно откидываетъ возможность „врожденныхъ идей“. Врожденные идеи противорѣчатъ принципу дискурсивности и имъ отвергаются. Если Сарпи не полемизируетъ съ началомъ врожденности, какъ это дѣлаетъ Локкъ, то только потому, что средневѣковыя формы ученія о врожденности для него есть нѣчто безконечно-забытое, новая же формулировка—картезіанская появляется полустолѣ-

тѣмъ позже. Но въ „духъ“—Сарпи предвосхищаетъ Локка и такъ сказать, заранѣ согласенъ съ первой книгой „Опыта о человѣческомъ разумѣ“.

Второй терминъ—опытъ—понимается Сарпи въ не менѣе эмпиристическомъ духѣ. Опытъ для него заключается въ опредѣленныя границы позитивной научности. Всякаго рода опытъ мистическій, сверхнаучный или внѣнаучный имъ отвергается даже безъ всякой полемики. Это для него настолько очевидно, что „опроверженія“ ему кажутся излишними. Опытъ есть прежде всего опытъ чувственный, опытъ пяти нашихъ чувствъ, при чемъ использование этихъ чувствъ должно совершаться по методамъ частныхъ наукъ, т.-е., если чувства наши и могутъ расширяться и интенсифицироваться (напр. тѣмъ телескопомъ, въ усовершенствованіи котораго Сарпи опередилъ Галилея), то только въ направленіи количественномъ и средствами механическими. Во-вторыхъ, опытъ долженъ быть реальнымъ, а не номинальнымъ, изслѣдовать свойства вещей, ихъ причины и взаимоотношенія, а не ихъ названія и имена. Здѣсь Сарпи употребляетъ очень картинное выраженіе: „между именемъ вещи и ею самою такая же разница, какъ между первымъ поверхностнымъ взглядомъ на вещь и между тщательнымъ въ нее вглядываніемъ, совершаемымъ чрезъ вращеніе оси конуса по всей вещи“. Итакъ, не мистическое прониканіе въ сущность вещей, не схоластическія операціи надъ словами, а позитивно-научное изученіе эмпирическихъ свойствъ и причинъ вещей. У самого Сарпи была такая острота взгляда на эмпирію, такое умѣніе „вращать конусъ наблюденія по всей вещи“, что у него мы можемъ найти явственное предвосхищеніе основного положенія „Новой теоріи зрѣнія“ Беркли. Такъ онъ говоритъ: „если кто-нибудь видѣлъ только цвѣтъ безъ разстоянія и безъ разницы въ мѣстоположеніи, то такое видѣніе равнялось бы слѣпотѣ. Мы не можемъ вообразить фигуры безъ цвѣта, тѣмъ не менѣе слѣпорожденный себѣ ее представляетъ: отсюда можно заключить, что *еслибъ мы научились представлять себѣ отдѣльно образъ тѣла, какъ мы его получаемъ изъ осязанія и образъ тѣла, какъ мы его получаемъ изъ зрѣнія, то эти образы были бы различными, хотя бы и относились къ одному тѣлу*“. Правильно установивъ путемъ острой гипотезы послышки Берклеевской теоріи зрѣнія, Сарпи

предвосхищаетъ и ея результаты. „Энергія и спецификація зрѣнія находятся въ глазу, но осуществляются не черезъ одинъ глазъ, а и черезъ вѣки, шею, ухо, руки и ноги; если отнять у насъ всѣ мускулы, то наши чувства не могли бы функционировать“. Т. е. безъ совокупности мускульныхъ движеній не можетъ функционировать глазъ и зрительная картина дѣйствительности, намъ предстоящая, есть не данное одного глаза, а сложный результатъ координаціи между данными зрѣнія, осязанія и мускульныхъ чувствъ. Этотъ примѣръ подчеркиваетъ не только психологическую и естественно-научную проницательность Сарпи, но и глубокую позитивность всѣхъ тенденцій его мышленія. Онъ даже въ воображаемомъ опытѣ, т.-е. въ гипотезѣ эмпиристиченъ въ самой высокой степени.

Итакъ, разумъ, какъ абсолютно-дискурсивная способность и чувственный опытъ, ограниченный пятью вѣшними чувствами, вотъ два термина философіи Сарпи,—термина въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. границы, межи. Этимъ самымъ метафизика и мистика выкидываются за бортъ спокойно, холодно и безшумно, а главное съ успѣхомъ достигается то, къ чему горячо, шумно и безуспѣшно зывали такіе мистики и метафизики эпохи Возрожденія, какъ Бруно и Кампанелла. Посюсторонность и позитивность празднуютъ въ Сарпи свой первый крупный триумфъ. Ибо изъ двухъ терминовъ философіи Сарпи нѣтъ правомѣрнаго выхода въ запредѣльность и метафизику. Первое размежеваніе границъ разума въ Кантовскомъ смыслѣ производится въ фрагментарныхъ наброскахъ Сарпи. Но Сарпи устанавливаетъ не только термины праваго философствованія, какъ его будетъ понимать новая европейская мысль: онъ отчетливо набрасываетъ и *отношенія* между этими терминами. Тутъ онъ упреждаетъ не всю европейскую философію, а лишь англійскій эмпиризмъ и главнымъ образомъ сенсуалистическую систему Локка. Сарпи не только признаетъ, но и подчеркиваетъ, что сознаніе наше *активно*, въ противоположность пассивности нашихъ чувствъ. Но эта активность для него производна, а не изначальна, вторична, а не первична. Источникъ всего нашего познанія—чувства. Движеніе вѣшней среды затрагиваетъ наши органы, и въ движеніи „чувствилища“ (*sensorio*) и состоитъ познаніе чувственное (*cognizione*)

sensibile). То, что мы имѣемъ пять чувствъ отнюдь не доказываетъ, что ими объективно исчерпываются всѣ качества окружающаго насъ міра. Возможны такія качества, которыя не дѣйствуютъ ни на одно изъ нашихъ чувствъ и потому нами не воспринимаются (напр. свойства магнита или сны, въ которыхъ часто оживаетъ то, что мы не сознавали въ нашихъ ощущеніяхъ). Чувственная способность — моторна. Затронутая впечатлѣніемъ и приведенная имъ въ движеніе, она переходитъ отъ частныхъ показаній чувствъ къ образамъ, хранящимся въ памяти, и изъ соединенія ихъ образуетъ элементы чувственно-общіе (*sensibili comuni*). Вслѣдствіе переходенія отъ однихъ элементовъ сознанія къ другимъ, эта способность называется *дискурсивной*. Этимъ самымъ Сарпи опредѣленно толкуетъ разумъ сенсуалистически и способность разсужденія производитъ непосредственно изъ ощущеній. Дискурсивность прежде всего манифестируетъ себя въ счисленіи. Счисленіе же есть положеніе множества. Познавать множество это значитъ говорить — „это не есть то“, т. е. различать. Благодаря этой способности, дискурсивность въ себѣ самой различаетъ наличность или отсутствіе впечатлѣній. Но отсутствіе впечатлѣній можетъ констатироваться лишь сравненіемъ съ тѣмъ, что *было*, т. е. что содержится въ памяти. Различіе между тѣмъ, что было, и — что есть, — порождаетъ въ сознаніи *prius* и *posterius*, т. е. различіе воспріятій во времени и различіе времени отъ воспринимаемаго. Различныя части времени становятся основаніемъ для сравненія величинъ, сравненія, которое можетъ быть приблизительнымъ и строгимъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ отношенія математическія. Но не только теоретическая часть сознанія производится Сарпи изъ первичности ощущеній. Понятія красоты и безобразія, добра и зла также эмпиричны. „Красота и безобразіе не имѣютъ реального существованія (*non hanno esistenza reale*), но живутъ лишь въ мнѣніи людей; частью потому, что привыкая къ видамъ, мы находимъ ихъ прекрасными (безобразными кажутся намъ вещи новыя); частью же потому, что другіе люди называютъ ихъ прекрасными, и мы усвоиваемъ ихъ мнѣнія“. „Кто приметъ во вниманіе различіе морали и увидитъ, какъ нравственныя представленія мѣняются въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, — такъ что иногда взаимно отрицаютъ другъ друга, тотъ съ

абсолютностью долженъ заключить, что они не что иное суть какъ мнѣнія“. Если въ этихъ изреченіяхъ мы слышимъ Локка, то въ другихъ мы явственно можемъ разслышать Милля и даже современный прагматизмъ. Такъ и математика, которую Сарпи по свидѣтельству Галилея, зналъ какъ никто въ Европѣ,—признается Сарпи наукой *дискурсивной*. Быстроту и очевидность математическаго разсужденія Сарпи считаетъ мнимо-интуитивными, ибо онѣ основываются на привычкѣ и частомъ упражненіи, а кто вспомнить *начало* своихъ занятій математикой, тотъ долженъ сказать, что ни аксіомы, ни опредѣленія не были ясными сначала и стали очевидными лишь благодаря повторнымъ къ нимъ возвращеніямъ. Съ не меньшимъ радикализмомъ эмпирика говоритъ Сарпи и о *силлогизмѣ*. Прежде всего силлогизмъ начинается съ тѣхъ общихъ положеній (*ipolipsi*), которыя устанавливаются частными науками и наблюденіемъ; отсюда его не-первоначальность. Во-вторыхъ, силлогизмъ, переходя отъ общихъ положеній къ слѣдствіямъ, можетъ быть по формѣ хорошимъ или плохимъ, т. е. движеніемъ урегулированнымъ или неправильнымъ. Но вопросъ о правильности однѣхъ формъ силлогизма и неправильности другихъ всецѣло рѣшается *опытомъ*. Примѣняя силлогистическую форму къ различнаго рода фактамъ и наблюдая, какіе виды ея бываютъ подходящими, а какіе нѣтъ,—дискурсивная способность наша останавливается на первыхъ и отвергаетъ вторые. Въ этомъ мѣстѣ Сарпи договаривается до прагматизма. „Узнать, что силлогистическая форма хороша, мы можемъ лишь путемъ констатированія, что *примѣняя* ее, мы приходимъ къ заключеніямъ, находящимся въ согласіи съ тѣмъ, что мы считали раньше за истину, и что она *удалась* во многихъ уже сдѣланныхъ раньше доказательствахъ“. Силлогизмъ имѣетъ значеніе лишь въ вещахъ извѣстныхъ и въ правильности его можно убѣдиться лишь путемъ практики (*se non con farglieli praticare*). „Значить тотъ, кто считаетъ такія-то формы силлогизма хорошими, не имѣетъ другого основанія, кромѣ практики“ (*non per altra causa che per averli praticati*). Но въ такомъ случаѣ все наше знаніе можетъ быть лишь приблизительнымъ; при чемъ эта приблизительность настолько малой степени, что почти отождествляется съ самымъ радикальнымъ скептицизмомъ. Сарпи не останавли-